

КОНФЕРЕНЦИИ ККП
ДЕКЛАРАЦИЯ

АВГУСТЕ 1927

ДЕКЛАРАЦИЯ, ПРИНЯТАЯ НА АВГУСТОВСКОЙ (1927 г.) КОНФЕРЕНЦИИ ККП

От:

*П. МИФ, КИТАЙСКАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ
ПАРТИЯ В КРИТИЧЕСКИЕ ДНИ*, Государственное
Издательство, Москва—Ленинград, 1928, стр. 200—239.

2024

<https://dbarabe.yolasite.com/>

Содержание

1. Национальная революция и классовая борьба.	13
2. Китайская компартия и рабочее движение.....	24
3. ККП и аграрная революция.	30
4. ККП и Гоминдан.	41
5. Коммунисты в правительстве.....	55
6. Отношение к армии и к вопросу о вооружении.	64
7. Внутрипартийное положение и отношение к Коминтерну.	69
8. Выводы.	72

Ко всем членам китайской компартии.

Товарищи, чрезвычайное партийное совещание обращается к вам в тяжелый и критический момент, когда великая китайская революция проходит через труднейшие испытания. Контрреволюционный переворот, начатый в апреле палачом Цзян Кай-ши в Шанхае, находит теперь свое продолжение и завершение на территории уханьского правительства. Не более 3 месяцев понадобилось на то, чтобы уханьское правительство, объявившее Цзян Кай-ши изменником революции, само последовало его примеру. Прикрываясь именем Гоминдана, даже именем «левого» Гоминдана, контрреволюция расправляется с рабочим и крестьянским движением на территории уханьского правительства теми же кровавыми средствами, как и Цзян Кай-ши. Крестьянские союзы разгоняются и преследуются; сотни и тысячи руководителей крестьянского движения казнены генералами уханьского правительства. В районах, охваченных аграрным движением, свирепствуют карательные отряды. Рабочие повсюду разоружены, профессиональные союзы подвергаются все более ожесточенным гонениям, помещения их занимают войсками, их руководителей казнят. Разгоняются силой все революционные организации Гоминдана. Их места занимают посаженные сверху ставленники милитаристов и джентри. Особенно дикой травле и свирепым преследованиям подвергается наша партия.

Против коммунистов объединяются все силы реакции, начиная от феодалов и милитаристов и кончая колеблющимися запуганными революцией слоями мелкой буржуазии. Не империалисты, не феодалы и милитаристы, не контрреволюционная буржуазия, во главе с Цзян Кай-ши. а коммунисты объявляются главным врагом китайского на-рода. Вождь Гоминдана Ван Цзин-вэй и др. цинично отрекаясь от всех принципов и традиций Гоминдана, рвут по приказу милитаристов с коммунистами. Центральный комитет Гоминдана добивается изгнания коммунистов из армии, из всех рабочих и крестьянских организаций, из организации Гоминдана. Наша партия вынуждена уйти в подполье, так как реакция стремится к ее полному уничтожению. Контр-революция, одержавшая временный успех, борется за оружие террора против трудящихся классов. Если не всюду еще разгромлены профсоюзы, если еще не казнят всех революционных работников рабочего и крестьянского движения, если еще правительство вынуждено на словах заявлять о неприкосновенности рабочих и крестьянских организаций, то это лишь потому, что контрреволюционная клика милитаристов и вождей Гоминдана, изменивших своей партии, не собралась еще силами.

Мы знаем, что в ближайшее время белый террор не ослаб-нет, а усилится, если массовое движение не сумеет оказать ему решительного отпора. Мы не питаем никаких иллюзий насчет «лояльности»

уханьского правительства по отношению к революционным рабочим и крестьянам. Что представляет из себя это правительство? Из органа революционной власти оно превратилось в проводника буржуазной реакции, в простое орудие милитаристов. Мелкобуржуазные политики, вроде Ван Цзин-вэйя, напуганные ростом революции, предали принципы Гоминдана и переметнулись целиком в лагерь буржуазной реакции. Они нужны последним до тех пор, пока силы революционного движения еще не окончательно раздавлены. Буржуазная контрреволюция использовать этих ренегатов Гоминьдана для того, чтобы выступить под знаменем партии, основанной Сунь Ят-сэном. Центральным комитет Гоминдана в своем большинстве предал это знамя.

Общепартийное совещание китайской компартии заявляет открыто, что Ван Цзин-вэй, Сунь-ко и большинство ЦК, перешедшее на сторону реакции, не являются больше ни представителями, ни руководителями гоминдановской партии, Совещание предупреждает всех рабочих и крестьян, что в ближайшее время белый террор будет проводиться и усиливаться под знаменем Гоминдана, узурпированным Ван Цзин-вэйем и компанией. И только активное сопротивление самих широких масс трудящихся, только их революционная борьба сможет вырвать оружие белого террора у клики узурпаторов

гоминдановского знамени и положит конец торжеству контрреволюции.

В этих условиях, когда наступающая контрреволюция душит и топит в крови революционное движение масс, когда рабочие и крестьянские организации придавлены и попираются сапогом милитаристов, чрезвычайное партийное собрание обращается прежде всего к вам, товарищи, к авангарду китайского рабочего класса. Голь китайской компартии, выросшей в массовую организацию и в великую силу, была исключительно велика за время революционной борьбы. Теперь эта роль возрастает еще больше.

В постановлениях Исполнительного комитета Коминтерна по китайскому вопросу совершенно правильно указывается, что «вопросы политики партии вообще и партийного руководства в частности приобретают особенно важную роль». От политики нашей партии зависел в значительной степени ход китайской революции в прошлом. "Еще в большей мере зависит ее дальнейшая судьба от того, какую позицию займет компартия по отношению к задачам, поставленным в порядок дня изменившейся обстановкой.

В своих постановлениях Исполком Коминтерна отмечает крупнейшие оппортунистические ошибки, допущенные руководством нашей партии. Исполком Коминтерна призывает всю партию к критике этих ошибок и к их исправлению. Течь идет не об

отдельных, тем более не случайных ошибках, а о глубоко ошибочной оппортунистической линии, которую проводило наше партийное руководство. Нельзя правильно определить задачи дальнейшей деятельности партии, тем более нельзя . решить этих задач пореволюционному, не отказавшись от этой оппортунистической линии, не преодолев ошибок прошлого. А чтобы исправить ошибочную линию, надо понять, в чем она заключалась, надо, чтобы каждый член партии усвоил уроки прошлого. Партия не сможет сделать ни одного шага вперед по правильному, революционному пути не исправив ошибок, допущенных нашим руководством. А исправление ошибок в революционной партии рабочего класса возможно лишь путем открытой критики этих ошибок, критики, в которой примет участие вся масса членов партии. Пролетарская партия не может бояться от-крытого признания своих ошибок. Коммунисты погибли бы .навсегда, если бы они отказались от открытой безбоязнен-ной критики всех недочетов, всех упущений и ошибок партии. И то, что наша партия борется открыто за исправление своих ошибок, не затушевывая их, не утаивая ничего, свидетельствует не о слабости, а о силе коммунистического движения в Китае. Мы слишком уверены в великой и жизнен-ной силе нашей партии, чтобы бояться вскрытия, хотя бы даже на глазах наших классовых врагов всех наших упущений и недочетов. Пусть торжествуют враги коммунизма. Пусть кричат они о развале и разложении компартии. Нас этими

криками запугать нельзя. Наше преимущество перед нашими классовыми врагами и противниками как раз в том и заключается, что мы, представляющие передовую часть самого передового класса— пролетариат, способны учиться на опыте собственных ошибок, безбоязненно вскрываем все наши недостатки и находим в себе достаточно сил для их решительного преодоления.

Эту силу дает нашей партии не только ее классовый характер, но и вся прошлая деятельность партийных масс, тех масс пролетариев и беднейших крестьян, которые составляют основу нашей партии. Исполком Коминтерна отмечает в своих постановлениях «героическую борьбу партийных масс». «Широкие массы китайских коммунистов,—говорится в постановлении КК,—вели самоотверженную подлинно-революционную борьбу в социальных низах среди рабочих, крестьян и городской бедноты». Оппортунистические ошибки, постоянные колебания и шатания, неспособность к решительным действиям, фальшивые неревolutionные теории, расходящиеся с принципами коммунизма, и еще более неревolutionные дела нашего партийного руководства самым резким образом противоречат не только основным решениям и указаниям Коминтерна, но и революционной деятельности наших партийных низов.

Достаточно вспомнить поведение коммунистов, рядовых членов партии в Шанхае, в пров. Гуандун и

Хунань. Ряд блестящих всеобщих забастовок, три рабочих восстания в Шанхае, из которых мартовское восстание увенчалось блестящим успехом, являются одной из лучших страниц в истории не только китайского, но и мирового революционного движения. А эта страница написана шанхайскими коммунистами-пролетариями!

Тот высокий уровень политической сознательности, классовой выдержки, непримиримой революционности и боевой отваги, которого достиг шанхайский пролетариат под руководством коммунистов, является непревзойденным даже для целого ряда европейских стран, в которых рабочее и революционное движение насчитывает десятки лет. Коммунистическая партия в Китае вправе гордиться своим героическим шанхайским отрядом, который и после кровавого переворота Цзян Кай-ши, несмотря на неслыханное преследование и казни лучших руководителей (Чэна и других товарищей) в глубоком подполье продолжает с неослабевающей энергией, свою великую революционную борьбу. Коммунисты Гуан-дунской провинции, ставшие во главе восстания железнодорожников против Ли Цзи-шэня, а затем во главе крестьянского восстания, державшиеся в продолжение двух месяцев в пяти уездах Гуандуна, боровшиеся как подобает смелым, решительным, самоотверженным революционерам до последней возможности, эти коммунисты дали также прекрасный пример того, как надо действовать авангарду рабочего

класса в революционной обстановке. Не менее славная страница истории китайской революции вписана хунаньскими товарищами, возглавлявших крестьянское движение этой провинции. Власть крестьянских союзов, созданная по почину коммунистов крестьянскими массами, конфискация земель крупных помещиков, передел земли в пользу беднейших слоев деревни, разоружение джентри, баоуаней (охранных отрядов.—Ред.), создание вооруженных крестьянских отрядов, беспощадная расправа над феодальными реакционными элементами, гигантский размах крестьянского движения, умение коммунистов при этом наладить революционный, а не оппортунистический блок с новыми организациями Гоминдана, наконец организация крестьянского восстания против переворота в Чанша (причем это восстание, несомненно, победило бы, если бы не позорное отступление центрального партийного руководства в решительный момент)—все это было достигнуто усилиями наших партийных масс в пров. Хунань. Все это является великолепным образцом революционного разрешения аграрного вопроса. Тоже самое, что о коммунистах Шанхая и пров. Гуандун и Хунань надо сказать и о партийных массах других пров. Китая. Деятельность партийных масс была действительно героической, последовательной революционной борьбой. Эта борьба потребовала великих жертв и наши партийные массы никогда не останавливались перед жертвами. Борьбе этих партийных масс обязаны коммунисты

своим великим именем и той огромною ролью, которую они играют в китайской революции. Здесь, в партийных низах лежит источник силы нашей партии и с их помощью ошибки партийного руководства, как бы они велики и тяжелы ни были, будут легко исправлены. Правое, оппортунистическое, колеблющееся, неспособное к решительным действиям руководство принесло огромный, неизмеримый вред коммунистическому движению и революционной борьбе китайского народа, но партия, имеющая за собой опыт Шанхая, Гуандуна и Хунани, не может погибнуть из-за ошибок руководства. Партия найдет в себе достаточно сил для того, чтобы обеспечить себе правильное, революционное, большевистское руководство.

1. Национальная революция и классовая борьба.

В основе оппортунистических ошибок партийного руководства лежало непонимание, неверное, не-большевистское, не-марксистское понимание характера китайской революции и роли различных классов на разных этапах революции и роли коммунистической партии. И в теории и на практике руководство компартии при разрешении этих коренных вопросов революции резко разошлось с основными принципами Коммунистического Интернационала и с той ленинской оценкой, которую Коминтерн давал проблемам китайской революции. В этих основных вопросах ЦК китайской компартии скатился к самому вульгарному оппортунизму.

Китайская революция является революцией буржуазно-демократической с основной тенденцией перерастания в социалистический переворот. На той стадии, на которой революция остается еще буржуазно-демократической, она направлена против империалистического гнета и против всех социально-экономических и политических пережитков феодализма. Основным социальным содержанием

китайской революции на данном этапе является аграрный переворот и раскрепощение рабочего класса от того неслыханного угнетения и рабства, в котором его держит система империалистического господства, опирающегося на феодальные отношения в Китае.

Совершенно неправильным и небольшевистским является противопоставление национальной и антиимпериалистической революции классовой борьбе и социальному перевороту. Коммунистический Интернационал всегда отвергал подобное противопоставление, как проявление худшего оппортунизма.

В постановлениях 8-го пленума ЦК сказано: «ИК решительно отвергает противопоставление задач национальной революции задачам классовой борьбы пролетариата. Он полагает, что подобное противопоставление, имеющееся налицо как у ультралевых европейских группировок, так и у социал-демократии есть не что иное, как отказ от гегемонии пролетариата в демократической китайской революции, отказ в пользу якобы рабочей цеховщины, которая политически является одной из разновидностей оппортунизма и превращает пролетариат в охвостье демократического лагеря». Какова же роль различных классов в китайской революции? Империалистический гнет держится в Китае в значительной степени на экономической отсталости Китая, на системе феодальных отношений в деревне; пережитки феодализма в социально-

экономическом укладе и политическом строе Китая являются лучшей базой для безграничной эксплуатации китайского народа иностранным капиталом. Империализм поддерживает господство помещиков, джентри и тот административный аппарат, который создан был в Китае, не без феодальных отношений. В свою очередь феодальные общественные слон поддерживают империалистическое господство в Китае. Совершенно ясно, что антиимпериалистическое освободительное движение направлено всей своей силой против власти помещиков и джентри.

Разрушение системы феодальных отношений нанесет решающий удар господству империализма в Китае, а разрушение системы этой возможно лишь путем радикальной аграрной революции. Классовая борьба крестьянства против помещиков и джентри, против грабительского административного аппарата является составной частью и необходимейшим условием национально-освободительного движения. Чем решительнее, чем радикальнее будет аграрная революция, чем большие толщи крестьянства вовлечет она в борьбу, чем беспощаднее ликвидирует господство помещиков, джентри и милитаристов, тем больше размаха приобретает национальное движение, тем больше закрепляется его победа.

С другой стороны, иностранный капитал опирается экономически на часть городской буржуазии (компрадорство). Эта часть буржуазии заинтересована

в сохранении и расширении империалистического угнетения Китая.

Что же касается так называемой национальной буржуазии, то она представляет ту часть китайского капитала, который оттесняется конкуренцией иностранного капитала и которая в силу этого вынуждена вести экономическую борьбу против империализма.

Национальная буржуазия принимала участие в антиимпериалистической борьбе на первом этапе китайской революции и даже возглавляла одно время освободительное движение.

Но быструю развертывающееся массовое движение рабочего класса и крестьянства с его революционными классовыми требованиями и лозунгами, успех китайской компартии оттолкнули национальную буржуазию от национально-революционного фронта в лагерь контрреволюции. Этот поворот в политике национальной буржуазии ознаменовался кровавым выступлением Цзян Кай-ши. Запуганная мощным размахом революционного движения трудящихся классов китайская «национальная» буржуазия входит в сделку с империализмом и, подобно компрадорству, подобно крупным феодальным помещикам, она сегодня становится также опорой господства иностранного капитала в Китае.

Именно это обстоятельство превращает борьбу пролетариата за свои непосредственные классовые требования в необходимейшее условие победы национально-освободительной революции.

Классовая борьба китайского пролетариата неизбежно приводит его к самому решительному столкновению с империализмом. Классовая борьба китайских рабочих подрывает источник экономической силы империализма: неслыханно низкий уровень рабочего класса, обеспечивающий сказочно высокую прибыль иностранному капиталу. Классовая борьба против китайской буржуазии подрывает ту базу, на которую начинает опираться империалистический гнет. Рабочий класс Китая в силу своего объективного положения является наиболее непримиримым, наиболее последовательным и решительным бойцом за национальное освобождение Китая. Это обстоятельство и выдвигает китайский пролетариат на роль гегемона (руководителя национально-освободительного движения). Но свою миссию борца за национальное освобождение китайский пролетариат может выполнить лишь в меру развертывания революционной борьбы за свои непосредственные классовые требования, борьбы против иностранного капитала и против китайской буржуазии.

В решениях 8-го пленума ЦК сказано: «ЦК считает неправильным тот взгляд, согласно которому «национально-освободительная

антиимпериалистическая революция «окончилась» (после переворота в Шанхае) и началась другая классовая крестьянская и рабочая революция... Кризис китайской революции и настоящее сочетание социально-классовых сил показывает и доказывает, что завершение буржуазно-демократической революции против феодализма (в том числе аграрная революция) и тем более завершение борьбы против империализма могут реализоваться лишь в борьбе против буржуазии, ставшей контрреволюционной; последовательная национально-освободительная борьба не только не вступает в конфликт с развертыванием массового движения рабочих и крестьян или требованиями аграрной революции, но кроме того, предполагает рост массового движения широчайших народных низов».

Кто хочет победы национально-освободительной революции, кто добивается полного освобождения Китая от иностранного гнета, тот должен разжигать, обострять и расширять классовую борьбу рабочих против буржуазии, классовую борьбу крестьян против помещиков, тот должен помочь социальной борьбе принять высшую форму общенародной революции.

Что же касается городской мелкой буржуазии, то за исключением немногочисленного секционного слоя, связанного с компрадорством и феодальными элементами деревни, вся остальная масса ремесленников, торговцев, студентов, служащих и всей городской бедноты, в силу своего объективного

положения, заинтересована в победе революционного классового движения рабочих в городе и крестьян в деревне и тем самым в победе национально-освободительного движения. Но мелкая буржуазия неизбежно колеблется между основными борющимися слоями, между революцией и контрреволюцией. Сила этих колебаний часто имеет решающее значение для исхода революционной борьбы. Но колебания мелкой буржуазии сами определяются в значительной степени силой движения революционной буржуазии, сами определяются в значительной степени силой движения революционных классов. Чем решительнее, чем радикальнее, чем беспощаднее борется рабочий класс и его партия, чем революционнее выступает крестьянство против помещичьего гнета, тем больше поворачивается влево к революционному фронту мелкая буржуазия, и наоборот, чем больше колебаний, непоследовательности, неустойчивости проявляют революционный класс и коммунистическая партия, тем больше отталкивается мелкая буржуазия в лагерь имущих классов, в лагерь контрреволюции. Нет более действительного средства увлечь за собой мелкую буржуазия, чем решительность и твердость авангарда пролетариата в решающий момент.

Ленин неоднократно говорил: «кто хочет помочь колеблющимся, тот должен начать с того, чтобы перестать колебаться самому».

Надо помнить, что после того, как на арене общественной борьбы появились два класса буржуазия и пролетариат, мелкая буржуазия уже не может и не в состоянии иметь своей самостоятельной политики.

Она будет идти либо за пролетариатом, либо за буржуазией. Пролетариат должен понимать неизбежность колебаний мелкой буржуазии и именно поэтому и должен он твердо и решительно идти к революционному решению поставленных перед ним задач.

Такова объективная оценка движущих сил в китайской революции, из которой вытекает революционная тактика коммунистической партии. Однако, при разрешении практических задач ЦК держался как раз противоположной оценки классовых сил в китайской революции, что и предопределило оппортунистические колебания и ошибки партийного руководства. ЦК китайской компартии, совершенно *поменьше-вистски противопоставляя национально-освободительное движение классовой борьбе, исходил из того предположения, что развертывание классовой борьбы срывает дело национальной революции и призывает партию, рабочий класс и крестьянство к ограничению их классовых требований, к отказу от революционных методов борьбы по отношению к китайской буржуазии и помещикам.* В инструкции к Шанхайскому комитету компартии от 23-го ЦК писал: «особенности

китайской революции состоят в том, что она является революцией анти-империалистической. В последнее время, по-видимому, забыли об этом *и концентрировали все наши усилия, чтобы атаковать феодализм. Последствия этого имеются налицо*». ЦК упрекает коммунистов и обвиняет крестьянское движение в том, что они зашли слишком далеко. ЦК отдергивает назад революционное крестьянство, возглавляемое коммунистической партией. В этой же инструкции говорится: «с одной стороны, антиимпериалистическое движение успокаивается, а с другой стороны, рабочее и крестьянское движение достигает с точки зрения мелкой буржуазии кульминационного пункта. Вдобавок эти лозунги, вроде «вооружение рабочих и крестьян», «конфискация земли», «некапиталистическое развитие» и т. п., вызвали недоверие мелкой буржуазии и внушили ей опасение, что ККП скоро восстанет против Гоминдана, что ККП *проводит классовую революцию, а не национальную революцию*». ЦК ККП убежден, что классовая революция это одно, а национальная революция это другое. В инструкции дальше сказано: «мелкая буржуазия не считает конфискацию необходимой предпосылкой национальной революции, а считает, что только ККП настаивает на конфискации земли для того чтобы осуществить революцию, вроде Октябрьской, чтобы установить диктатуру рабочих и крестьян. Поэтому мелкая буржуазия не только не выдвигает этих вопросов, но хочет приостановить

крестьянское и рабочее движение и хочет разорвать взаимоотношение с ККП. При этих условиях может ли ККП отступить и принять политику мелкой буржуазии? Это означало бы собой ликвидацию наших сил, отказ от гегемонии пролетариата и капитуляцию перед Цзян Кай-ши. Это означало бы собой победу капитализма. Должны ли мы настаивать на конфискации земли и на вооружении рабочих и крестьян? Результатом этого являлся бы немедленный разрыв, а немедленный разрыв означал бы немедленную- ликвидацию.

Если мы не можем соответственно справиться с положением, это приведет к непосредственной победе буржуазии.

Должны ли мы отказаться для настоящего времени от политики вооружения рабочих и крестьян и конфискации земли? Политику вооружения и конфискации мы решили проводить по ханькоускому вопросу, когда постановили начать борьбу против Сюй Кэ-сяна и начать самостоятельную конфискацию земли крупных помещиков и вооружение крестьян. Это было бы политикой самостоятельности. Однако такая политика чревата опасностями. Если мы выступим самостоятельно, то взаимоотношения с Гоминданом будут разорваны и мы потерпим поражение с честью. Однако это невыгодно для нас, *мы должны найти новый путь. Мы должны через этот новый путь* пройти опасный кризис революции

и через этот путь вести революцию, расширяя и углубляя ее, к окончательной победе.

Как вывод отсюда, ЦК предлагает шанхайским коммунистам не рассматривать национальное движение как исключительно «рабочий вопрос» и предлагает проводить агитацию среди шанхайской буржуазии, той самой буржуазии, которая организовала переворот Цзян Кай-ши и перешла на сторону империалистических угнетателей! Такова совершенно- неслыханная, не революционная, не коммунистическая линия партийного руководства в основном вопросе, в вопросе о характере китайской национально-освободительной революции.

Оппортунизм Центрального комитета компартии в этом вопросе является отражением влияния буржуазии на коммунистов. Вся революционная тактика поставлена здесь вверх ногами. Та линия, которую партийное руководство в этом вопросе заняло, не имеет ничего общего ни с указаниями и решениями Коминтерна, ни с борьбой партийных масс рабочего класса и революционного класса.

Тот, кто настаивал бы на оправдании или на продолжении этой оппортунистической линии, тот навсегда и бесповоротно порвал бы с коммунизмом.

2. Китайская компартия и рабочее движение.

Компартия является авангардом, т. е. самой передовой, наиболее революционной и классово-сознательной частью пролетариата. В своей деятельности коммунистическая партия должна исходить из основных интересов рабочего класса, требующих революционного переустройства всего общественного порядка. Коммунистическая партия, ставя во главе угла интересы рабочего класса, выдвигает в то же время те задачи, разрешение которых возможно в силу объективных условий. В период буржуазно-демократической революции, пока последняя еще не перешла на рельсы социалистического переворота, одна из основных задач китайской компартии заключается в организации рабочих масс и в руководстве их борьбой за решительное повышение жизненного уровня рабочего класса, за повышение заработной платы, за восьмичасовой рабочий день, за полную свободу и беспрепятственное право организации рабочих в их классовые союзы, за неограниченное право стачек, за полное уничтожение бесправного положения рабочих и т. п.

Всего этого рабочий класс может достигнуть в демократической революции лишь самостоятельной

борьбой пролетарских масс. Коммунистическая партия должна обострять и расширять классовую борьбу пролетариата, должна становиться во главе каждого выступления рабочих против буржуазии. Коминтерн неоднократно требовал от ККП, чтобы последняя добивалась повышения материального уровня рабочих масс, решительного улучшения положения рабочих. как на фабриках, так и в общественной жизни вообще, радикального уничтожения всего того законодательства, которое ставит рабочих в положение бесправного сословия, проведения лозунга восьмичасового рабочего дня, повышения зарплаты, при-знания прав рабочих организаций и т. п. Одновременно Коммунистический Интернационал указывал на необходимость «быстро, смело и решительно проводить политику массового вооружения рабочих и крестьян, в первую очередь организованных, наиболее сознательных». Эту политику Коминтерн требовал проводить со всей необходимой твердостью. Этим указаниям Коминтерна соответствовала борьба самих рабочих масс во всех промышленных центрах Китая и деятельность низовых организаций партии. Зато руководство китайской компартии пошло по иному, совершенно противоположному пути. Оно только *тормозило подергивало классовую борьбу и революционные выступления рабочих.* Вместо того, чтобы развязать и толкать вперед стачечное движение, ЦК ККП *вместе с ЦК ГМД провозгласили принцип обязательного арбитража,* при котором решающее

слово оставалось за правительством. Такая тактика при наличии правительства, представляющего блок различных классов, а в первом этапе революции даже блок, возглавлявшийся буржуазией, объективно служила интересам не рабочего класса, а капиталистов и серьезнейшим образом ослабляла рабочее движение. ЦК ККП *не протестовал против постановления ЦК ГМД, запрещающего стачки на иностранных предприятиях без разрешения правительства* и возглавлявшего на союзы не борьбу за требования рабочих, а задачу следить за их трудовой дисциплиной. Ограничивая рабочее движение, ЦК ККП рассчитывал таким путем сохранить блок с мелкой буржуазией, не понимая того, что всякая нерешительность и слабость в деле защиты интересов рабочего класса только способствовали переходу мелкобуржуазных слоев вправо. ЦК ККП *всячески ограничивал экономическую борьбу рабочих, борьбу за самые жизненные, непосредственные классовые требования пролетариата без осуществления которых не может быть и речи о гегемонии рабочих в революционном движении.* ЦК проводил эту тактику *во имя ложно понимаемого блока с мелкой буржуазией и также ложно понимаемых интересов национальной революции.*

Стихийно развертывавшееся рабочее движение создало снизу могучие профсоюзы, находящиеся целиком под влиянием коммунистов, вооруженные рабочие пикеты, многочисленные пионерские отряды

и т. п. Почувствовав свою силу, рабочий класс вступил в непосредственную борьбу с теми капиталистами, которые выступали на стороне контрреволюции, саботировали производство, искусственно вызывали кризис в промышленности и т. д. Достаточно было рабочим организациям арестовать нескольких владельцев пред-приятий, как вся буржуазия завопила «об эксцессах» рабочих. К этим крикам присоединились не только мелкобуржуазная интеллигенция, но и руководство ККП. В ряде документов ЦК китайской компартии *решительно осуждаются «эксцессы» рабочих*. ЦК все свои усилия направляет на то, чтобы разъяснить рабочим, что нельзя захватывать фабрики и заводы, если даже последние со злым умыслом брошены предпринимателями, что нельзя закрывать торговые предприятия, если даже последние искусственно взвинчивали цены; нельзя арестовывать граждан, если даже эти граждане являются заведомо контрреволюционерами.

Стихийно рабочий класс шел по пути осуществления действительной демократической диктатуры рабочих и крестьянства. ЦК ККП сделал все, что от него зависело, чтобы задержать движение рабочих по этому революционному пути.

ЦК не только не принял меры к вооружению рабочих, он при первом проявлении активного недовольства буржуазии провел решение о добровольном разоружении и роспуске рабочих пикетов в Ханькоу.

Во имя блока с мелкой буржуазией ЦК распустил добровольно- и пионерские организации.

ЦК ККП ни одним словом не опротестовал инструкции ЦК Гоминдана Хубэйскому рабочему союзу, в которой на рабочие союзы возлагалась задача следить за дисциплиной рабочих, нарушающих дисциплину передавать в правительство, не наказывать и не притеснять никого, кроме рабочих.

Хубэйский генеральный рабочий союз принял эту инструкцию при молчаливом одобрении ЦК к руководству. ЦК пре-зрительно третировал всякое проявление революционной самостоятельности стороны рабочего класса, как «эксцессы» и «детскую» болезнь левизны, не замечая того, что *он говорит языком контрреволюционной буржуазии*. Та политика, которую партийное руководство проводило в рабочем вопросе, служила не интересам рабочего класса, а интересам капиталистов.

Ошибочная тактика проводилась партийным руководством не только в вопросах экономической борьбы рабочих, но и тогда, когда речь шла о политических выступлениях пролетариата. Захват уханьскими рабочими английской концессии, имевшей колоссальное историческое значение, не только был проведен помимо всякого участия партийного руководства, но и был осужден ЦК ККП. В последнее время Центральный комитет склонялся к совершенно неслыханному капитулянтскому

решению о самоликвидации нелегальных профсоюзов в Шанхае и о вхождении организованных рабочих в созданные Цзян Кай-ши «желтые профсоюзы». Боязнь массового движения, недоверие к рабочему классу, неверие в его силы

сказывались и на внутривнутрипартийных вопросах. Партийное руководство состояло преимущественно из представителей интеллигенции и мелкобуржуазных слоев. Только после решительного настояния Исполкома Коминтерна удалось включить в партийное руководство нескольких рабочих. В ряде профессиональных организаций руководящие партийные кадры состоят не из рабочих, а из студентов, интеллигентов и т. - д.

При подборе слушателей партийных школ ЦК ККП с упорством, достойным лучшего применения, отводил всегда рабочие кандидатуры на том основании, будто бы китайские рабочие некультурны, хотя политическое сознание шанхайских рабочих стоит неизмеримо выше уровня всего партийного руководства. С этим непролетарским, неревOLUTIONционным, насквозь оппортунистическим курсом партия должна порвать раз и навсегда.

3. ККП и аграрная революция.

Вопрос об аграрной революции является центральной проблемой буржуазно-демократического переворота Китая. Огромное значение этого вопроса Коммунистический Интернационал подчеркивал неоднократно. Коминтерн в продолжение долгого времени да-вал ясные, точные указания китайской компартии относительно методов и средств разрешения аграрного вопроса. В решениях 9-го пленума ПК, которые лишь повторяют директивы, дававшиеся Коминтерном в продолжение всего последнего времени, говорится: «вовлечение масс в борьбу возможно лишь на основе аграрной революции в деревне, удовлетворения нужд рабочего класса и его политических запросов в городах.

Лозунги решительного уничтожения арендной платы, выплачиваемой богатым, передел земли, конфискация всех земель помещиков, мандаринатов, монастырей и т. д., воспрещение кабальных сделок, аннулирование долгов беднейших крестьян, решительное снижение налогов и переложение их гнета на наиболее зажиточные слои и т. п. должны проводиться в жизнь во всей территории Китая и прежде всего на территории уханьского правительства, должны поднимать массы против буржуазных изменников и

северных милитаристов». *«Аграрная революция, заключающая в себе конфискацию и национализацию земель—таково основное внутреннее социально-экономическое содержание нового этапа китайской революции. Основным является в настоящее время «плебейское» революционное разрешение аграрного вопроса, десятками и сотнями миллионов самих крестьян снизу, причем компартия должна становиться во главе движения и руководить им. При этом компартия должна вести и внутри правительства такую политику, которая будет содействовать развязыванию аграрной революции и со стороны самого правительства. Этим только и можно из дан-ной стадии развития превратить данное правительство в организационно-политический центр рабоче-крестьянской революции и в орган революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.*

Вся деятельность партийного руководства представляла со-бою решительную противоположность этой революционной линии. Если крестьянское движение в пров. Хунань развернулось в мощную аграрную революцию, если в ряде других провинций поднялись огромные массы крестьянства против помещиков и джентри, то это происходило не по инициативе, не по указаниям, не *по директиве ЦК ККП, а против его указаний, против его директив, против всей его политики в этом вопросе.*

Движение *шло только снизу*. Во главе крестьянства шли местные низовые коммунистические организации, а ЦК ККП все время лишь *тормозил и осаживал назад революционное крестьянское движение*. Партийное руководство не от-давало себе до последнего времени отчета во всем значении аграрной проблемы в китайской революции. До V съезда коммунистическое руководство партии уделяло ничтожное внимание аграрному вопросу. Декабрьский пленум ЦК ККП в Ханькоу, определивший задачу партии после побед Северной экспедиции, не сказав ни одного слова о позиции партии в земельном вопросе. Партия не сформировала также своей позиции в этом вопросе и на провинциальных крестьянских съездах, которые состоялись в декабре 1926 г. в пров. Хунань и в феврале 1927 г.—в Цзянси. А на Хубэйском съезде в марте коммунисты лишь в последний момент решились поста-вить этот вопрос.

На V съезде ККП, хотя резолюция по аграрному вопросу и была единогласно принята, вожди партии товарищи Чэнь Ду-сю и Тань Пинь-шань выступили с заявлением, что пока надо расширять, а не углублять революцию и потому с конфискацией земли надо подождать.

В аграрной комиссии ЦК ГМД, работа которой длилась 3 недели, коммунисты во главе с Тань Пинь-шанем четыре раза меняли свою точку зрения на аграрный вопрос. В конце концов коммунисты дали свое согласие на резолюцию, которая устанавливала

только принципы разрешения аграрного во-проса, но не требовала его немедленного разрешения, а когда ЦК ГМД отверг опубликование даже этой резолюции, никто из коммунистов против этого не выступал.

Провинциальная (шестая конференция хунаньской организации ККП постановила, что коммунисты должны выступить с требованием снижения арендной платы лишь в том случае, если она превышает 50 о/о урожая—это в то время, когда крестьянство пров. Хунань уже начало революционную борьбу за передел земли. Руководство ККП признавало на словах некоторые из этих ошибок, но линию торможения аграрной революции оно проводило все же до конца. Вслед за мелко-буржуазными лидерами Гоминдана ЦК ККП всю свою энергию направлял против «эксцессов» в крестьянском движении.

Линия партийного руководства объективно была линией борьбы против аграрной революции. В инструкции Агитпропа ЦК от 1 июня 1927 года говорится: «Мы должны твердо помнить, что партия со своей крестьянской политикой *неуклонно проводит линию подавления «эксцессов»*, направленных против землевладельцев, мелкой буржуазии и военных. 14 июня повторяется то же самое. «Предо-доставленная крестьянству неорганизованная свобода действий, заявляет ЦК партии,—*«проведение земельной реформы повело к многочисленным «случаям эксцессов»*. Без сомнения, такое положение должно быть изжито.

Вслед за милитаристами, оправдывавшими подавление крестьянского движения под тем предлогом, будто бы оно вызвано искусственно агентами Цзян Кай-ши, руководители Китайской компартии не уставали повторять, что «эксцессы» в Хунани являются плодом работы Цзян Кай-ши. В инструкции все китайского крестьянского союза сказано: «Цзян Кай-ши, джентри и тухао воспользовались тем, что небольшая часть крестьян нарушила интересы военных, чтобы распустить слухи и провоцировать раскол. Они нарочно вели левую агитацию, чтобы затем разгромить крестьянское движение».

Один из ответственных руководителей Китайской компартии заявил: «имеется основание полагать, что некоторые эксцессы» и аресты крестьян провоцируются контрреволюционерами. Тот же товарищ заявлял «произвольные аресты раздражают мелкую буржуазию, вызывают беспокойство и создают впечатление, как будто бы Нацправительство находится в плену у коммунистов. Это впечатление надо рассеять».

Великое революционное восстание крестьянства в Хунани компромет и ровалось, таким образом, не только буржуазией, не только помещиками и милитаристами, но и руководством компартии. Это в то время, когда на местах коммунисты героически и самоотверженно боролись за развертывание этого движения. Запуганный колебаниями гоминдановских

лидеров ЦК ККП не в состоянии был выдвинуть даже революционную программу разрешения аграрного вопроса. Совершенно неправильную глубоко оппортунистическую позицию занял ЦК Компартии и в вопросе об организации власти в деревне. Вместо того чтобы учесть опыт революционной борьбы крестьянских масс и извлечь из этого опыта уроки, ЦК ККП выдумывал безжизненные вредящие делу революции схемы организации новой власти в деревне. Стихийное движение передало революционную власть в руки крестьянских союзов, взявшихся за конфискацию земель у крупных помещиков, наделение землей неимущих слоев деревни, снижение арендной платы, разоружение миньтуаней и джентри и за расправу над контрреволюционными элементами деревни.

Вместо того чтобы поддерживать и развивать дальше эту форму революционной власти, партийное руководство выдвигало лозунг вместе с ЦК ГМД— организация местных самоуправлений в деревне. Какое значение вкладывалось в этот лозунг видно из инструкции всекитайского союза от мая 1927 г.: «создание деревенских самоуправлений имеет целью закрепить завоевание крестьянства и уничтожить режим анархии в деревне».

ЦК решительно выступал против передела земли, раздела имущества, штрафов и арестов тухао и джентри. Все это ЦК еще 25 мая объявил «детскими выступлениями» крестьянской бедноты, которые

отталкивают от нас мелкую буржуазию. «В отношении крестьянского движения,—говорится в постановлении ЦК от 25 мая: «мы должны немедленно прекратить, опираясь на влияние нашей партии, все «детские» выступления, не предусмотренные нашей партией». Не решаясь открыто выступить против лозунга конфискации земли, ЦК вел фактическую линию на отмену этого лозунга. В постановлении 25 мая говорится : *«Мы, конечно, не можем целиком отказаться от принятой на V съезде платформы. Однако мы должны знать, что китайский земельный вопрос еще не прошел соответствующей стадии.* Кроме того, прежде чем приступить к разрешению земельного вопроса, необходимо во-первых, расширить пропаганду, в особенности в армии, во-вторых, приступить к организации деревенских и уездных самоуправлений». Если сопоставить это решение с тем фактом, что ЦК не выдвигал лозунга конфискации земли и выступал решительным противником передела земли, линия ЦК против конфискации собственности крупных помещиков становится совершенно ясной.

Катастрофические последствия имела эта тактика партийного руководства в хунаньских событиях. После контрреволюционного переворота в Чанша по инициативе хунаньских коммунистов, началось движение крестьянских отрядов на Чанша, с целью подавления контрреволюционного мятежа. Окружаемый многочисленными крестьянскими

отрядами город был бы легко взят, если бы вооруженное выступление крестьян не было сорвано трусливой нерешительностью партийного руководства.

В последний момент, накануне наступления на Чанша члены политбюро ЦК—руководители хунаньской партийной организации отменили приказ о наступлении, заявив, что вооруженное выступление против Чанша может вызвать осложнения в обще китайской политической обстановке и что надо ждать инструкций ЦК. На следующий день прибыло письмо от ЦК ККП, в котором говорилось, что с выступлением надо подождать, надо собрать силы, надо выждать, пока Нацправительство разрешит конфликт.

Приказ об отмене наступления был разослан крестьянским отрядам. Большинство из них отступило и лишь два отряда, неосведомленные случайно об отмене выступления, ввязались в бой с, контрреволюционными войсками и после упорного сопротивления вынуждены были отойти под давлением численно более сильного противника. Результатом этого отступления, вызванного инструкциями партийного-руководства, было полное торжество контрреволюции почти во всей Хунаньской провинции. Нерешительность, проявленная ЦК в момент крестьянского восстания, равносильна предательству, она ничем не может быть оправдана

и является самым позорным пятном в истории нашей партии.

Чем руководствовался ЦК, решая вопрос об отмене восстания, видно из следующей резолюции от 26 мая: «В настоящее время задача, поставленная перед партией, состоит не в намеренном свержении врага или в полной капитуляции с нашей стороны. Есть и средний путь и этот средний путь должен быть найден. При настоящем соотношении сил нецелесообразно итти партии на непосредственный вооруженный конфликт с врагом. Наша задача выиграть время, сохранить наши силы, готовиться к неизбежной борьбе. Проявляя эту позорную нерешительность, ЦК помог выиграть время не революционному крестьянскому движению, а организаторам контрреволюционного переворота. Насколько далеко зашел ЦК в своей капитулянтской политике, во время событий в Чанша, видно из его решения, в котором одобряется платформа, формулиро-ванная в телеграммах нацправительству одним из главных вдохновителей переворота в Чанша—генералом Тан Шэн-чжи.

ЦК всячески выгораживал Тан Шэн-чжи, сея иллюзии, будто переворот в Чанша произведен против его воли. На словах, протестуя перед нацправительством против разгрома рабочих и крестьянских организаций в Чанша и требуя наказания контрреволюционных мятежников, ЦК своей нерешительностью и колебаниями лишь помог закреплению

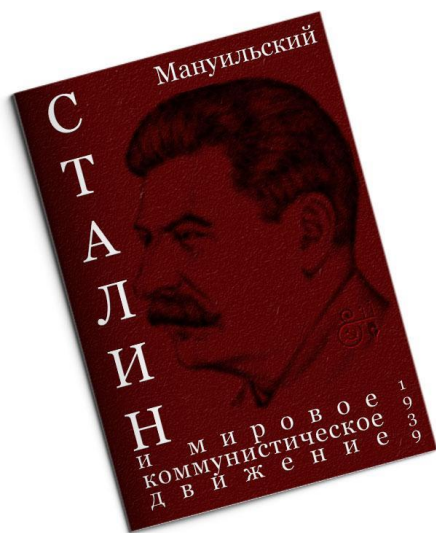
контрреволюционного переворота в провинции Хунань.

Уроки этой губительной политики партийного руководства должны быть учтены. *Оппортунистическая линия завела ЦК партии так далеко в крестьянском вопросе, что его постановления и указания в момент решительных событий принимали характер измены и предательства по отношению к массовому движению.*

В такой же мере позорной и недопустимой была деятельность представителя компартии в правительстве, министра по земельным делам, Тань Пин-шань. Отказавшись самым решительным образом от всякого содействия аграрной революции, *министерство земледелия, возглавляемое коммунистом, пыталось направить крестьянское движение по буржуазно-реформистскому пути.* В мае месяце опубликовано постановление *министра земледелия со следующим указанием:* «Необходимо выправить все «детские болезни» крестьянства и в особенности нельзя не обуздать те элементы, которые свернули с правильного пути и наносят вред большей части крестьянства».

Что касается борьбы с контрреволюционными элементами, наказания тухао и джентри, тут можно поступать согласно опубликованным правительством и партией правилами, а имен-но: «передавать их

органам власти и не действовать само-вольно». Эта инструкция так же, как и вся деятельность коммунистического министра земледелия является лучшим выражением того антипартийного революционного соглашательского курса, который проводило руководство компартии в аграрном вопросе. Если бы наша партия действовала в духе этой линии ЦК, она не имела бы право называться ни коммунистической, ни революционной партией. *К счастью, практика партийных масс, низовых парторганизаций решительно расходилась с линией Центрального комитета и сумела всем обеспечить правильное руководство, хотя и тормозившееся сверху, широчайшими массами крестьянства.*

4. ККП и Гоминдан.

В отношении *Гоминдана политика руководства* ККП представляет собою *сплошную цепь тяжчайших оппортунистических ошибок и в этом вопросе* Теория и практика ЦК партии решительно расходились и с указаниями Коммунистического Интернационала и с деятельностью низовых партийных организаций. Вопрос о том, какую позицию к ГМД должна занимать ККП, выяснен с особенной тщательностью в резолюции 8-го пленума ИККИ. Но и до 8-го пленума ИККИ давал ККП те же самые директивы, которые изложены в этой резолюции. Руководство ККП прекрасно было осведомлено о точке зрения Коминтерна на взаимоотношения ККП и ГМД, и если оно тем не менее действовало наперекор линии Коминтерна, это свидетельствует лишь о том, как далеко оно зашло в проведении своей оппортунистической линии.

В резолюции 8-го пленума ИККИ говорится следующее о взаимоотношениях компартии и ГМД: «Китайская компартия сможет выполнить лежащие на ней задачи, поскольку она сама, как авангард, будет *иметь свое собственное политическое лицо, отличное от политического лица даже самых левых мелкобуржуазных революционеров.*

Компартия в любой политической обстановке никогда не должна растворяться ни в какой политической организации.

Она должна представлять собою политическую силу, она есть организация особого класса, самого последовательного и самого революционного класса в стране. Поэтому компартия не должна связывать себе рук в деле пропаганды своих взглядов и в деле мобилизации под свои знамена масс; она не должна отказываться от своего права критики, колебаний и шатаний революционной мелкобуржуазной демократии. Наоборот, только такая критика будет толкать мелкобуржуазных революционеров налево и обеспечивать гегемонию рабочего класса в революционной борьбе.

Нельзя в данной обстановке претендовать со стороны пролетариата на роль гегемона в стране без того, чтобы компартия—партия рабочего класса не претендовала на роль гегемона внутри Гоминдана.

ИККИ полагает, что исходя из задачи смелого и решительного развертывания массового движения, коммунистическая партия *Китая должна также смело и решительно превратить ГМД в действительно массовую организацию, охватывающую трудящееся население города и деревни.*

ИККИ полагает, что, задачи, ставшие перед Гоминданом, требуют соответствующего

приспособления к ним его организационных форм. Необходима возможно *более быстрая реорганизация по линии гораздо большего сближения с массами*, широчайшая вербовка рабочих, крестьян и ремесленников в ряды Гоминдана, коллективный прием рабочих, крестьянских, солдатских и ремесленных организаций профсоюзов, фабзавкомов, крестьянских комитетов, крестьянских союзов, страховых организаций ремесленников, армейских организаций, крестьянских партизанских отрядов «красных пик» при очищении их от контрреволюционных элементов, рабочих дружин и пр. и пр., *полная выборность местных и центральных руководящих инстанций Гоминдана и т. д. и т. д.*

Только на таком решительном курсе на развитие ГМД в действительно широкую, действительно выборную, действительно массовую организацию и действительно революционно-демократическую— будут созданы предпосылки для укрепления и победоносного развития демократической революции в Китае.

Только при таком курсе будут созданы максимальные контрмеры против возможного и неизбежного отхода колеблющихся групп из левых гоминдановцев, (как это случилось в Кантоне) и против измен генералов или других военных лидеров. Компартия обязана своевременно вскрывать всякие колебания в сторону союза с Цзян Кай-ши или союза с империалистами и принимать соответствующие конкретные меры как по

линии агитации и пропаганды, так и по линии организационных мероприятий.

Китайская компартия, сохраняя и развивая свою партийную организацию, должна в возрастающей степени влиять на работу ГМД. Эту задачу она может выполнить лишь в мере полной сознательности своей классовой пролетарской позиции, выдержанности своей идеологической и политической линии, усиления и укрепления своей организации, привлечения к руководству самой партией рабочих-коммунистов, повышения влияния партии на широкие массы рабочих и крестьян и роста среди них авторитета партии.

Вся деятельность ЦК ККП в этой области была диаметрально противоположна той линии, которая с такой исчерпывающей полнотой и ясностью изложена Коминтерном в вышеприведенном решении. Руководство ККП не в состоянии было даже поставить перед собою задачу Сохранения самостоятельного лица коммунистической партии, поскольку это руководство во всех основных вопросах революции занимало на деле ту же позицию, что и мелкобуржуазные вожди ГМД.

И в рабочем вопросе, и в вопросе об аграрной революции, и в вопросе об отношении к мелкой буржуазии, и в вопросе о соотношении национально-освободительного движения и классовой борьбы ЦК ККП разделял те же мелкобуржуазные предрассудки и

иллюзии, которыми питалось гоминдановское руководство. *И получилось, что не компартия руководила Гоминданом, а гоминдановская верхушка держала в полном политическом и идеологическом плену коммунистическое руководство. Если тем не менее коммунистическая партия не потеряла окончательно своего самостоятельного пролетарского лица, она обязана этим своим низовым организациям и партийным массам.* ЦК ККП со своей стороны сделал все возможное, чтобы полностью ассимилироваться с гоминдановским «левым» руководством.

На местах—в большинстве провинций коммунистам, благодаря их революционной работе, действительно удалось достигнуть руководящего влияния в ГМД. И вот, ЦК ополчается против этих организаций. В постановлении ЦК, принятом в мае, говорится по поводу «совместных комитетов с ГМД» (объединенных заседаний): «коммунисты должны выступать в этих совместных комитетах по всем важнейшим вопросам с конкретными предложениями, причем конкретные предложения не должны основываться на максимальных требованиях компартии, а должны иметь в виду интересы развития нацреволюционного движения и кристаллизации и укрепления левого крыла ГМД». Из этого постановления ЦК вытекает, что:

1) «максимальные требования компартии» и интересы развития нацреволюционного, движения не одно и то

же. Это две не-совместимые противоречивые вещи. 2) Конкретные предложения компартии не должны базироваться на ее «максимальных требованиях», т. е. не должны соответствовать ее программе, тактике, общей политической линии на данном этапе революции. 3) Нацреволюционное движение и левое крыло ГМД могут развиваться и преуспевать лишь при том условии, если компартия откажется от своих «максимальных требований». Можно ли представить себе большее извращение политики компартии по отношению к ГМД!

В том же самом постановлении говорится: «коммунисты, работающие в органах печати ГМД не должны стремиться к превращению этих органов в органы печати ККП, а должны работать в духе решений ГМД». Это ли не отказ от самостоятельной политики и линии компартии, это ли не полное подчинение гоминдановскому руководству?

Дело дошло до- того, что подчиненная роль компартии официально признавалась ее вождями, как нечто вполне правильное и отвечающее интересам революции. Коммунистические фракции в организациях ГМД руководством ККП были полностью ликвидированы. Когда на одном из совместных заседаний ЦК ГМД и ЦК ККП Ван Цзин-вэй заявил, что один лишь ЦК ГМД имеет право утверждать и опубликовать принятые решения, т. е. что они обязательны для ККП, но не обязательны для ГМД, тов. Чэнь Ду-сю—вождь компартии ответил, что

он согласен с такой постановкой вопроса. Вожди компартии заявили что, с одной стороны, они, конечно, не могут полностью отказаться от самостоятельности, но, с другой стороны, нельзя сохранять эту самостоятельность на *сто процентов*, пока они находятся в блоке с ГМД.

Это вопиющее оппортунистическое искажение самых основ революционной большевистской тактики выдавалось с авторитетным видом за «реальную коммунистическую политику».

Ни о какой политической самостоятельности вожди киткомпартии и не помышляли и, само собой разумеется, *никакой критики по отношению к колеблющейся, половинчатой, непоследовательной политике ГМД на деле не вели. О той резкой и открытой критике, которую требовал Коминтерн, не было и речи. Показательно в этом отношении что, несмотря на все настояния Коминтерна, ЦК ККП не попытался за весь период легального существования партии наладить и издание хотя бы одной ежедневно й партийной газеты.* Не об этом заботился ЦК—он был озабочен тем, как бы коммунисты, чего доброго, не стали писать коммунистические статьи в гоминдановских газетах. ЦК ККП никогда не видел гоминдановских масс, никогда не пытался к ним апеллировать, он видел только вождей. Переоценка роли вождей и недооценка роли масс видна из того, что к основным вопросам партия подходила с такой меркой: как отнесется к этому тот или иной вождь,

которого нужно «нейтрализовать», а не то, как отнесутся к этому рабочие и крестьянские массы.

Так напр., ради «нейтрализации» Ли Цзи-Шэня в Кантоне, был снят лозунг перевыборов гоминдановского комитета; ради «нейтрализации» Ван Цзин-вэй я и др., коммунисты снимали свои предложения по аграрному вопросу во время работы аграрной комиссии ЦК ГМД (апрель 1927 г.) ; ради «нейтрализации» Тан Шен-чжи отказывались от решительной борьбы с хунаньскими переворотчиками, ради «нейтрализации» Чжу Пэй-дэ отказались выступить с лозунгом о его снятии, когда он выгнал коммунистов из провинции. Вся политика ККП определялась в зависимости от того, чего хотят «левые» вожди, а «левые» вожди хотели того, чего требовали генералы. Так, ЦК отказывался созвать V съезд ККП, так как «левые» требовали, чтобы коммунисты послали своих работников на Восток; ЦК ККП все время был за поход на Север, но когда «левые» решили итти на Восток, ЦК ККП тотчас же принял такое же решение, хотя до этого упорно боролся с делегацией КИ, которая предлагала не итти на Север.

То же самое во всех важнейших вопросах.

Вся эта линия беспримерного соглашательства освещалась одной общей теорией, ставшей исходным пунктом для всей деятельности ЦК за последние месяцы (в особенности со времени восстания Ся Доу-

иня) — *теорией необходимости отступления в данный момент*. Руководители компартии были того убеждения и старались в этом же убедить и всю партию и идущие за нею массы, что компартия, а за нею и революционные рабочие и крестьяне уже зашли «слишком далеко» и что необходимо в настоящий момент отступить, чтобы спасти блок с ГМД. В момент, когда аграрная революция только начинала разворачиваться, когда массовое движение рабочих и крестьян только-только начало становиться на ноги и создавать органы самозащиты, в момент, когда требовалась величайшая активность со стороны компартии, чтобы двинуть вперед революцию и тем самым обеспечить реальный блок с ГМД, подведя под него твердую революционную базу, в это время руководство компартии только и говорило о необходимости отступить и уступить, думая этим путем спасти свое положение в Гоминдане. Была создана целая теория отступления, и эта теория не осталась, к сожалению, одной теорией, а претворилась в каждодневную практику в деятельности ЦК ККП. Отказ от аграрной революции, разгром целого ряда профессиональных и крестьянских организаций за мнимые «эксцессы», роспуск пионерской организации под тем же предлогом, трусливая политика в вопросе о Хунань и, наконец, добровольное разоружение уханьских пикетов, все это лишь части одной общей линии отступления и капитулянтства, которая была руководящей линией ЦК ККП за последние месяцы.

Увенчана была эта линия резолюцией в 11 пунктах о взаимоотношениях с ГМД, принятой расширенным заседанием ЦК 3 июля с. г. Вот некоторые из этих пунктов.

4. Поскольку ГМД является блоком мелкой буржуазии, крестьянства и пролетариата с целью борьбы против империализма, ГМД естественно принадлежит руководство.

5. Хотя члены ККП участвуют в правительственной работе, они находятся там от имени ГМД, а не ККП. Поэтому объединенное заседание ГМД и КП существует не только затем, чтобы обсуждать, решать и делить ответственность, но и для того, чтобы обсуждать формы обнародования и исполнения резолюций обеих партий. Государственная власть едина. (Что-бы избежать затруднений в настоящий момент в отставку из Нацправительства), 6. Рабочие, крестьянские и общественные организации должны быть под руководством и контролем ГМД. Требования массового движения должны приспособляться к декретам и резолюциям ЦК ГМД и Нацправ. ГМД со своей стороны должен на основе своих резолюций и декретов обеспечить свободу и интересы крестьянских, рабочих и прочих организаций.

7. Согласно резолюциям ЦК ГМД крестьяне и рабочие должны быть вооружены. Вооруженные отряды должны быть подчинены нацправительству и им руководиться. Пикеты в Ухане должны быть

распущены или влиты в армию с целью избежать каких-нибудь недоразумений.

8. Профсоюзы и пикеты не могут без санкции ГМД и нацправительства выполнять судебные или исполнительные функции, как напр. арест, суд и вождение по улицам.

15* 227 9. Профсоюз торговых служащих должен быть реорганизован представителями ГМД и Хубэйского пров. совета профсоюзов. Его экономические требования не должны превышать экономическую способность хозяев. Профсоюз торговых служащих не может вмешиваться во власть хозяина по части найма и управления служащими и не может физически угрожать хозяину, напр., арестом, оштрафованием и надеванием высокой шапки.

10. Пионерам будет запрещено арестовывать и задевать прохожих.

Это уже не оппортунизм и не соглашательство, это чистойшей воды ликвидаторство, это полный отказ не только от политической самостоятельности компартии, но и от существования революционного массового движения вообще! От-дать все массовое движение под полный контроль и произвол мелкобуржуазных лидеров Гоминдана, и отдать добровольно, заявляя, что все *это «в порядке вещей»*—ведь это предательство по отношению к массовому движению и измена революции.

Так понимали вожди Киткомпартии блок с ГМД. Ясно, что в этом понимании нет и тени коммунистической политики.

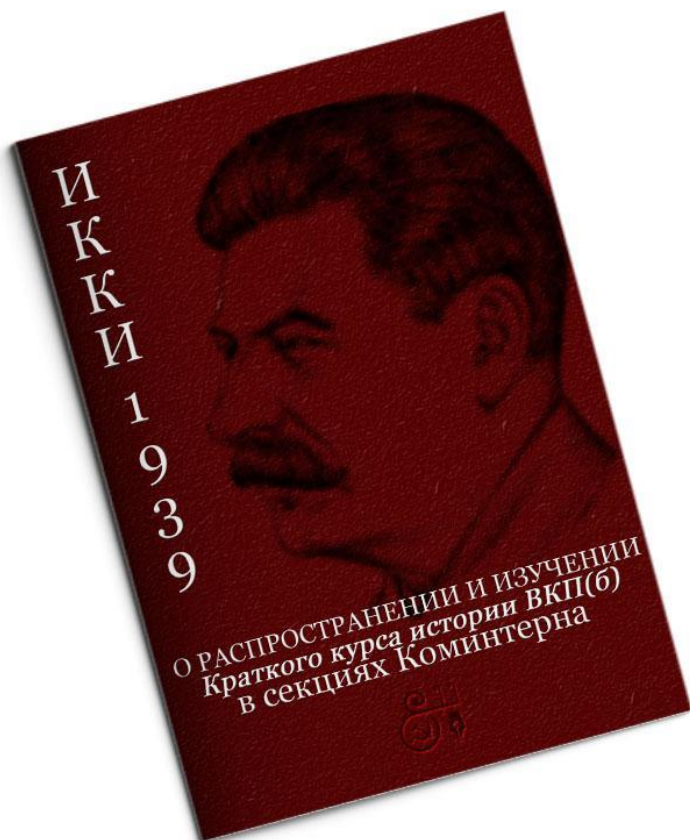
Ленин считал возможным для коммунистов вступать в блоки с мелкобуржуазными партиями лишь при обязательном условии сохранения «полнейшей свободы агитации, пропаганды, политической деятельности» «для компартии». «Без этого последнего условия,—говорил Ленин,—конечно, на блок идти нельзя, ибо это будет из меной». Объективно изменой делу революции и коммунизма и была тактика ЦК ККП по отношению к ГМД. Ленин предлагал в случае союза с мелко-буржуазной партией «следить за союзником, как за врагом», а ЦК Киткомпартии считал, что в руки явных врагов рабочего и крестьянского движения должны быть переданы судьбы революции.

Партия должна извлечь уроки из этих ошибок своего прежнего руководства. Партия должна понять, что вся ее сила и будущее лежат в рабочих и крестьянских массах, в их доверии, в их силе и организованности. Партия должна понять, что блок с ГМД, который необходим в дальнейшем, должен быть блоком именно с левым революционным Гоминданом, т. е. с его низами, с трудовой массой его членов, с низовыми организациями; что ставка на вождей уханьского ЦК ГМД бита совершенно, и что левым гоминдановцем может быть назван лишь тот, кто открыто борется против этого ЦК предателей ГМД; что, наконец,

находящийся с нами в блоке левый ГМД и его вожди лишь постольку будут проводить революционную политику, поскольку она опирается на реальную организованную силу вооруженных рабочих и крестьянских масс, и постольку она исправляет колебания своего союзника решительной критикой и давлением масс снизу. Блок с левым ГМД есть блок с мелкой революционной буржуазией. Партия должна осуществлять этот блок, ориентируясь, главным образом, и в первую очередь на низы и массы ремесленников, служащих, интеллигенцию, поддерживая их политические и экономические требования и помня о безнадежности всяких верхушечных комбинаций с вождями мелкой буржуазии.

Совещание решительно отвергает линию на выход коммунистов из ГМД. Эта линия вполне соответствовала стремлениям контрреволюционной верхушки ГМД (Ван Цзин-вэйя и Ко), узурпировавшей гоминдановское знамя и добывающейся полного разрыва ГМД с коммунистами. В рядах на-шей партии эта линия встречает сочувствие лишь наиболее оппортунистических кругов, выдвигающих в последнее время идею создания новой «третьей» по сути дела, меньшевистской партии. Компартия остается в ГМД, подлинном революционном Гоминдане, которого буржуазная реакция загнала теперь в подполье так же, как и ККП. Вместе с тем ККП будет разоблачать беспощадно

контрреволюционную верхушку, осмеливающуюся прикрываться именем Гоминдана. Право на это имя Ван Цзин-вэй, Сунь Ко и Ко потеряли навсегда.

5. Коммунисты в правительстве.

В корне неправильная, некоммунистическая политика ЦК ККП в отношении к ГМД нашла свое полное отражение в деятельности коммунистов — членов правительства и во всей линии партии по отношению к участию в правительстве. И здесь, как и во всех основных вопросах революции, позиция ЦК ККП находилась в вопиющем противоречии с линией Коминтерна, со всеми элементарными положениями коммунистической политики. Резолюция 8-го пленума ИККИ говорит по поводу участия коммунистов в уханьском правительстве следующее: «ИККИ полагает, что компартия должна самым энергичным образом работать в органах правительства в центре и на местах, критикуя недостаточную твердость своих даже ближайших союзников и обеспечивая правильность курса правительственной политики.

ИККИ обращает особое внимание китайской партии на то, что именно в текущий момент, более чем когда-либо, необходима теснейшая связь революционного правительства с народными массами. Только на основе этой теснейшей связи, реализуемой в первую очередь через Гоминдан, только при решительном курсе на

массы возможно будет все более и более укреплять авторитет революционного правительства и его роль, как организующего центра революции.

Задачей Киткомпартии является обеспечение такого курса правительственной власти Уханя. Без выполнения этой задачи, без развертывания массового движения, без аграрной революции и решительного улучшения положения рабочего класса, без превращения Гоминдана действительно в широчайшую организацию трудящихся масс, без дальнейшего укрепления профсоюзов и роста компартии, без самой тесной связи уханьского правительства с массами, невозможно вести революцию к победоносному завершению.

ИККИ полагает, что только такая тактика оправдывает участие коммунистов в правительстве. Без нее это участие приняло бы характер верхушечных комбинаций и политикантских расчетов, которые будут опрокинуты жизнью, ходом великой классовой борьбы. Увязывать и притом постоянно увязывать работу в правительстве с работой среди масс является все неременнейшей обязанностью Китайской компартии».

Вот что предлагал Коминтерн Китайской партии по правительственному вопросу. А что делал ЦК ККП и что делали министры коммунисты? Вот факты:

Коммунисты организовали свои министерства через два месяца после получения назначения. При открытии

министерства земледелия Тань Пин-шань, министр-коммунист произнес речь, которая не может быть охарактеризована иначе как позорная—в ней не было «ни слова об аграрной революции, о конфискации земли, об уничтожении власти джентри и помещиков в деревне; вместо этого либеральные фразы об улучшении положения крестьян» и выпады против «эксцессов». Сейчас же по вступлении в должность Тань Пин-шань подписал декрет, предлагавший крестьянам «не действовать самочинно» в отношении джентри и угрожавший нарушителям сего «строгим наказанием».

Ни министерства земледелия и внутренних дел, ни министерство труда ничем не отличались от других бюрократических органов. Ни один закон, реально облагчающий тяжелое положение рабочих и крестьян, за все эти месяцы не был ими издан. Ни один законопроект, способный изменить старые кабальные правовые и экономические отношения в городе и деревне (кодекс законов о труде, снижение арендной платы) не был ими даже подготовлен для представления правительству. Практика этих министров-коммунистов, которые, как говорит резолюция Коминтерна, должны были бы все свое внимание направлять на связь с массами, на поддержку массового движения, была на самом деле худшим видом буржуазно-бюрократического «властвования», способного только дискредитировать компартию в глазах масс. Ни одного революционного

предложения, никакой критики ошибок уханьского-правительства в его бездеятельности и попустительстве контрреволюционер.

В особенности политика министра земледелия была такова, что не может быть иначе названа, как антикрестьянской.

Вопрос о земле, т. е., казалось бы, основной вопрос для министерства земледелия, был совершенно снят с очереди дня, и даже в анкетах, которые рассылало министерство по провинциям, *не было ни одного вопроса касательно земельных отношений*. Первым актом деятельности Тань Пин-шаня по вступлении в должность была его попытка «обуздать» крестьянское движение в пров. Хунань. В этом его всецело поддерживал ЦК ККП, предложивший ему поехать в Хунань во главе экспедиции, имевшей своей задачей на-вести там «порядок». Экспедиция была снаряжена и отправилась в путь, но не достигла места своего назначения, по-тому что в Чанша уже произошел контрреволюционный переворот, выполнивший очень быстро и «основательно» те задачи, которые ставила себе экспедиция Тань Пин-шаня.

Закончил Тань Пин-шань свою бесславную министерскую деятельность уходом в долгосрочный отпуск, который был новым дискредитированием нашей партии. Когда реакция стала *все больше крепнуть* на территории уханьского правительства, в гоминдановских кругах все яснее стала обозначаться

тенденция избавиться от пребывания коммунистов в правительстве, чтобы, таким образом, развязать себе руки:

и для полного подавления рабоче-крестьянского движения и для компромисса с Цзян Кай-ши и генеральской контрреволюцией. И вот, Тань Пин-шань охотно пошел навстречу этому желанию реакционных генералов и запуганных лидеров СМД.

Он поставил вопрос об уходе в долгосрочный отпуск под предлогом выдуманной болезни, причем предварительно переговорил с Ван Цзин-вэем, а затем уже с ЦК ККП. Но ЦК партии не только не протестовал против подобного образа действий, а вполне одобрил этот план. Ведь в 11 пунктах, принятых ЦК 3 июля, содержится указание на то, что коммунисты во избежание конфликтов «согласны временно» уйти в отставку. Это называется революционной политикой!

И вот, Тань Пин-шань подает заявление о долгосрочном отпуске ввиду «болезни» также в связи с тем, что «политическое положение стало очень серьезным и он не в состоянии направить крестьянское движение по правильному пути».

Ведь достаточно того, что министр-коммунист дезертирует с поля сражения в самый ответственный момент; он еще считает нужным сделать новый выпад против крестьянского движения. Какой вывод напрашивается каждому из его слов:

1. Крестьянское движение находится на неправильном пути.

2. Исправить его можно только военной силой, ибо даже министр-коммунист, имеющий за собой весь авторитет компартии и массовых организаций, с ним «не справился». Ведь это пря-мое оправдание того, что говорили Сюй-Кэ-сян в пров. Ху-нань, Ся Доу-инь в пров. Хубэй. Ведь это прямой призыв к контрреволюции! Разве это не позор для компартии, что ее представители в правительстве могут *безнаказанно* творить подобные вещи? Ведь ЦК ККП ни одним словом не высказался против заявлений Тань Пин-шаня, ни одним звуком не попытался их дискредитировать. Да и как он мог высказаться против, когда это была его собственная политика!

Коминтерн предложил ККП принять участие в уханьском правительстве с целью толкать это правительство все более влево на революционный путь, с целью отсеивать все контр-революционные элементы и через практику решительной революционной борьбы при поддержке широчайших масс превратить уханьское правительство в демократическую диктатуру рабочих и крестьян. ЦК ККП ничего не понял в этой революционной постановке вопроса, но превратил участие коммунистов в *правительстве в банальный реформистский буржуазный министерализм*. Как далеко это от большевистского понимания участия коммунистов «во Временном революционном

правительстве»! В 1905 году, когда в России стояла такая же задача демократической революции и ставился вопрос об участии партии пролетариата во Временном революционном правительстве, представлявшем блок с мелкой буржуазией, т. Ленин писал в своей брошюре «Две тактики» по этому поводу следующее:

«Мы должны указать программу действий этого правительства, соответствующую объективным условиям переживаемого исторического момента и задачам пролетарской демократии.

Это программа есть вся программа-минимум нашей партии, программа ближайших политических и экономических преобразований, вполне осуществимых, с одной стороны, на почве данных общественно-экономических отношений и необходимых, с другой стороны, для дальнейшего шага вперед для осуществления социализма...

Могут возразить, что Временное правительство, будучи временным, не может проводить положительной программы, еще не одобренной всем народом. Такое возражение было бы лишь софизмом реакционеров и «самодержавщиков». Не проводить никакой положительной программы значит терпеть существование крепостнических порядков прогнившего самодержавия. Терпеть такие порядки могло бы лишь *правительство изменников делу революции*. Действовать снизу на временное

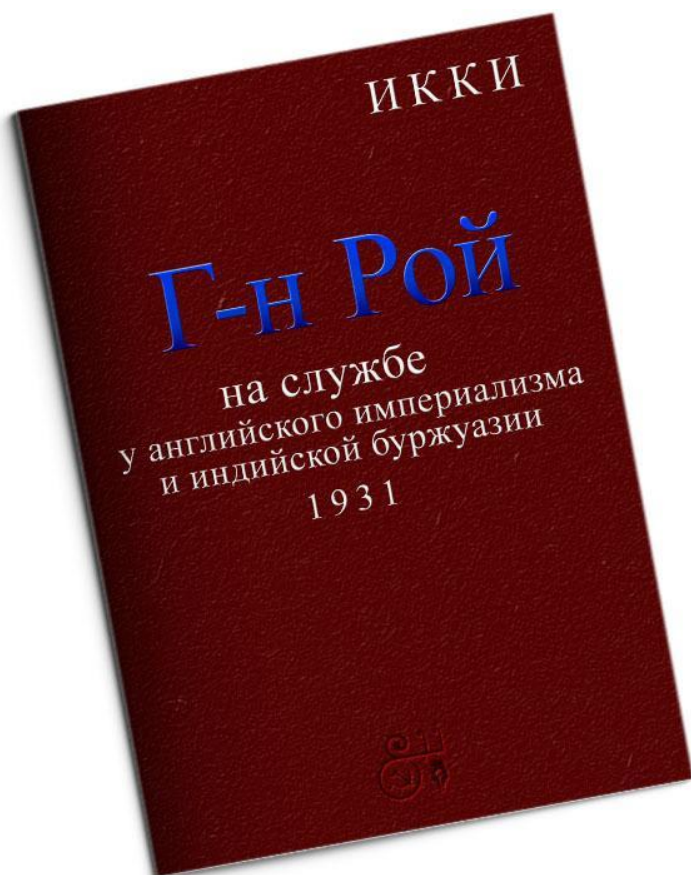
революционное правительство мы обязаны во всяком случае. Для такого давления снизу пролетариат должен быть вооружен... Цель его вооруженного давления—«охрана, упрочение и расширение завоеваний революции», т. е. тех завоеваний, которые с точки зрения интересов пролетариата, должны *состоять в осуществлении нашей программы-минимум.*

Временное революционное правительство есть орган борьбы за немедленную победу революции, за немедленное отражение контрреволюционных попыток, а вовсе не орган осуществления исторических задач буржуазной революции во обще...

И такая победа будет именно диктатурой, т. е. она неизбежно должна будет опираться на военную силу, на вооруженные массы, на восстание, но не на те или иные «легальным» мирным путем созданные учреждения. Это может быть только диктатура, потому что осуществление преобразований, немедленно и непременно нужных для пролетариата и крестьянства, вызовет отчаянное сопротивление и помещиков и крупных буржуа... Без диктатуры сломить это сопротивление, отразить контрреволюционные попытки невозможно».

Уханьское правительство тоже превратилось в орган диктатуры, но не диктатуры рабочих и крестьян, а диктатуры помещиков и капиталистов. А руководители компартии помогали своей трусливой

оппортунистической политикой установлению этой диктатуры.

6. Отношение к армии и к вопросу о вооружении.

Отношение ККП к армии уханьского правительства и вооружению рабочих и крестьян также представляют собою сплошную цепь ошибок, говорящих о совершенно принципиально неправильной установке ККП и в этом чрезвычайно важном для революции вопросе.

Всякому известно, что армия уханьского правительства в огромном своем большинстве (за исключением ее небольшой коммунистической части и тех рабочих и крестьян, которые по призыву компартии пошли в нее) *представляет из себя такое же наемное войско, как и войска всех милитаристов в Китае.* И всякому известно также, что командный состав этой армии в подавляющем своем большинстве происходит из помещичье-буржуазной среды и идет с революцией только до поры до времени, надеясь на ней заработать и сделать лучшую милитаристическую карьеру.

Казалось бы, что руководство компартии должно было понимать, что по отношению к такой армии линия компартии должна была *целиком ориентироваться на*

солдатскую массу, а не на реакционный командный состав; развить широчайшую работу среди солдат и низшего командного состава, чтобы иметь в них твердую опору против контрреволюционных поползновений комсостава.

Но руководство ККП думало и действовало как раз наоборот. Вся его политика и «работа» в отношении армии ограничивалась заигрыванием с генералами, вершущими комбинациями с реакционными командирами. Фактически никакой работы среди солдат не велось и не делались даже попытки организовать эту работу. V съезд ККП не рассматривал отдельно этого вопроса, *несмотря на всю его важность, а военная комиссия ЦК затянула обсуждение вопроса о работе в армии на 4 месяца и так оставила его неразрешенным.*

Зато для разговоров с генералами, для заигрывания с ними всегда находилось время. Величайшим позором является по-литика ККП по отношению к таким реакционерам, как ген.

Таи Шэн-чжи и Чжу Пэй-дэ. Хунаньский переворот и последовавшие за ним массовые избиения рабочих и крестьян были произведены частями Тан Шэн-чжи несомненно с его ведома и согласия—ведь официально он санкционировал переворот всего несколько недель спустя. А вот что писал ЦК ККП в принятых им «тезисах пропаганды о событиях в пров. Хунань и Цзянси» от 14 июня 1927 г., когда картина

происшедшего в пров. Хунань была уже совершенно ясна.

«Переворот в Чанша был произведен противниками Тан Шэн-чжи, так как известно-, что Тан сочувствует народному движению в пров. Хунань и очень расположен к угнетен-ному крестьянству».

Ну разве не злой насмешкой покажутся эти слова каждому рабочему и крестьянину, каждому коммунисту в пров. Хунань?

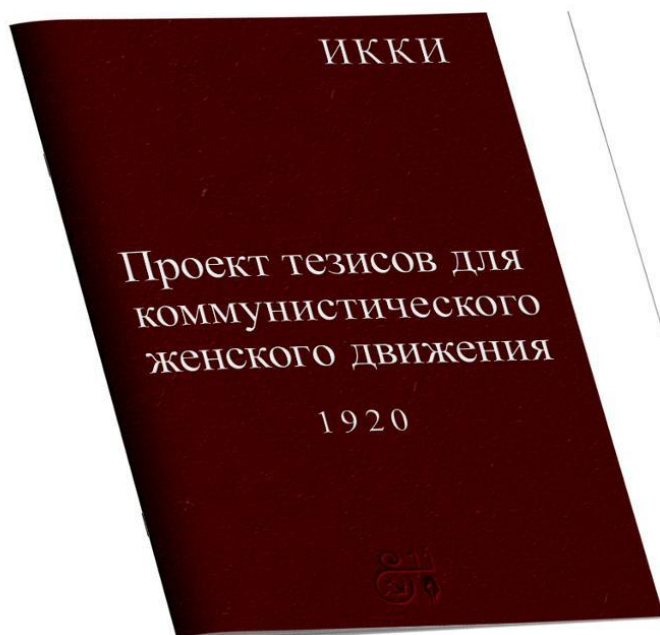
По ЦК партии не ограничился одними словами. *В виде протеста против хунаньских событий, он решил организовать... приветствие хунаньским генералам, возвращавшимся с фронта.* Этот совершенно невероятный факт действительно имел место, и такая демонстрация была проведена в Ухань, после чего Ван Цзин-вэй не без оснований заявил, что компартия заигрывает с милитаристами.

Такой же невероятный факт имел место и в отношении Чжу Пэй-дэ. После того, как этот генерал совершил контрреволюционный переворот в Цзянси, изгнав оттуда всех левых гоминдановцев и коммунистов, казалось бы, следовало начать сильнейшую агитацию против этого переворота и его инициаторов. Но ЦК ККП сперва долго выжидал, а затем решил: начать в общей форме агитацию против реакции в Цзянси, *но не упоминать при этом имени Чжу Пэй-дэ, ибо, мол, он все же лучше других и, если он уйдет, реакция станет еще хуже.* Итак, значит, Чжу Пэй-дэ является

не главой контрреволюции в Цзянси, а нашим защитником и потому мы должны его покрывать. Вот, до какой степени падения доходило оппортунистическое руководство ККП.

Такого рода отношение к армии былой одной из причин того, что ЦК ККП никогда серьезно не задумывался над вопросом о вооружении рабочих и крестьян, над необходимостью такого вооружения, вообще над созданием крестьянских, подлинно революционных военных кадров. Боевая комиссия ЦК проявила и в этом отношении полное бездействие. Совершенно не было поставлено военное обучение всех коммунистов, что являлось первой обязанностью партии; не ставился вопрос о систематическом собирании отдельных разрозненных отрядов рабочих и крестьян в стройную организованную силу, могущую служить реальной защитой для дальнейшего развития революции; не предпринималось почти никаких мер, чтобы настойчиво добывать оружие, откуда только можно, и давать его рабочим и крестьянам. ЦК ККП считал задачу вооружения рабочих и крестьян несущественной и даже опасной для его комбинаций с гоминдановской армейской верхушкой. И вот, после долгого бездействия, он вдруг проявил «активность», но только в обратном направлении, предложив уханьским пикетам «во избежание конфликта и провокационных слухов» *добровольно сдать оружие.*

Чем иным, как не открытым ликвидаторством назвать такое отношение ЦК ККП к самым жизненным задачам революции?

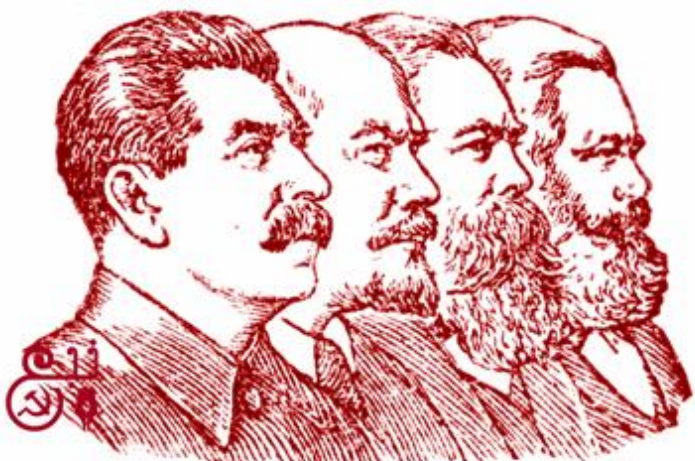
7. Внутрипартийное положение и отношение к Коминтерну.

Одной из основных причин того, что ЦК ККП мог так долго безнаказанно проводить свою оппортунистическую линию, является ненормальное положение внутри самой партии. ЦК не стоял под контролем партийных масс, не отчитывался перед ними, не ставил вопроса о партийной политике на обсуждение членов партии. В партии царил патриархальный строй, все вопросы решались партийной верхушкой, и мнение вождя считалось не только обязательным, но и безусловно правильным во всех случаях. При таких условиях, внутри партийная демократия проводилась чисто формально: не было жизни внутри партии, ни партийного общественного мнения; не было контроля руководящих верхушек и давления на них со стороны партийных масс. Ясно, что при такой обстановке внутри партии, ЦК имел развязанные руки для проведения своей оппортунистической линии и потому он несколько не стремился к действительному осуществлению внутрипартийной демократии.

Не менее ненормальным были отношения между партией и Коминтерном. Впервые в истории Коминтерна мы имеем такой случай, что ЦК одной из его секций в такой критический момент так долго и с таким упорством отказывался бы про-водить директивы и решения высшего руководящего органа нашей международной организации. Это даже не простое нарушение дисциплины, это прямое преступление перед международным коммунистическим движением. Ведь китайская революция имеет не только национальное значение, она является существеннейшей частью международной революции, от судеб ее в значительной степени зависят судьбы революции мировой! А ЦК Киткомпартии не только вел глубоко неправильную политику, направленную на поражение революции, на добровольную ликвидацию и капитуляцию, но и упорно отказывался признать свои ошибки и подчиниться указаниям руководящего международного органа. Более того, он, сознательно нарушая международное обязательство и дисциплину, *не считал нужным даже информировать партию о решениях и директивах Коминтерна*, чтобы дать ей возможность разобраться в вопросах и сказать свое решающее слово.

Понятно, что при таких условиях Коминтерн принужден был открыто выступить против политики ЦК Киткомпартии и апеллировать против ЦК ККП ко

всем членам Киткомпартии и ко всем остальным секциям Коминтерна.

طريق البُلشفيّة

8. ВЫВОДЫ.

Коминтерн осудил оппортунистическую объективно предательскую политику ЦК нашей партии. Мы признаем критику Коминтерна вполне справедливой и считаем позицию КИ в китайском вопросе целиком правильной. Мы приветствуем энергичное вмешательство Коминтерна, давшее нам возможность вскрыть ошибки прежнего партруководства и тем самым спасти партию. Мы со всей решительностью осуждаем оппортунистическую неревOLUTIONную политику, которую вел наш ЦК и считаем необходимым на основании уроков прошлого коренным образом изменить курс партийной политики.

А в настоящем письме мы пытались дать анализ этих прошлых ошибок с точки зрения правильной коммунистической политики, с точки зрения партийцев, твердо стоящих на почве ленинского учения и Коммунистического Интернационала.

Надо, чтобы вся партия в целом и каждый отдельный товарищ внимательнейшим образом разобрались бы в этих вопросах. Надо во всей партии, среди всех членов партии подробно и основательно продискуссировать

вопрос о прошлой политике партии. Основой этой дискуссии должно служить обращение Коминтерна и настоящее письмо. Пока партия не усвоит основательно уроков прошлого, она не сможет двинуться вперед, не сможет успешно руководить китайской революцией.

Из дискуссии надо сделать соответствующие выводы. Надо не только осудить старое партруководство и удалить из руководящих органов все негодные оппортунистические элементы, необходимо всю партийную работу проверить с точки зрения ее коммунистической выдержанности, надо на деле повернуть руль в сторону массовой работы; надо на практике доказать, что Киткомпартия как авангард трудящихся Китая способна быть их вождем и с уверенностью вести их к победе.

Необходимо установить теснейшую связь с профсоюзами и крестсоюзами, руководить ими, перенести туда центр тяжести партийной работы. Надо установить тесный контакт с комсомолом и больше помогать ему в работе. Комсомол, в лице его Центрального комитета, показал себя политически 'более выдержанным за истекший период, чем руководство ККП:

ЦК комсомола целиком присоединился к решениям Коминтерна и настаивал перед ЦК партии на их проведении. Но руководители ЦК ККП, правильно, увидев в этом опасность для своей

оппортунистической политики, попытались зажать рот комсомолу, отрицая за ним элементарное право выносить решения по политическим вопросам. Попытка эта не удалась и ЦК комсомола твердо остался на своей позиции—на позиции Коминтерна. Партия должна признать политическую важность работы комсомола, установить с ним теснейшую связь в работе. Необходимо, наконец, несмотря на тяжелые полицейские условия, осуществить на деле внутрипартийную демократию, обсуждать все вопросы партийной политики в массах членов партии, в низовых организациях, установить коллективную работу внутри партийных комитетов и тем способствовать созданию коллективного руководства партии. Наряду с этим, принять меры для обеспечения сохранности партийной организации от всех полицейских покушений.

Надо наладить крепкий, хорошо законспирированный, но вместе с тем действительно боевой нелегальный аппарат партии.

В тяжелой обстановке, под градом тяжелых преследований и в критический для революции момент приходится нашей партии перестраивать свои ряды, исправлять тяжелые ошибки прошлого и - намечать новые пути. Но мы уверены, что партия найдет в себе достаточно силы, чтобы со всей решительностью подлинных революционеров, произвести этот поворот. Мы призываем всех членов партии активнейшим образом помочь партии в этом

деле и выражаем глубокую уверенность, что боевая решимость наших товарищей и их преданность делу революции, помогут им преодолеть все препятствия и твердо поставить партию на правильный путь. Под руководством Коминтерна Киткомпартия придет к своей окончательной победе и обеспечит торжество Великой китайской революции.

2024

<https://dbarabe.yolasite.com/>

